

Михаил Широкий

Куколка

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Михаил Широкий

Куколка

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Широкий М.

Куколка / М. Широкий — «ЛитРес: Самиздат», 2020

«Пикап – разновидность деятельности, направленной на знакомство с целью соблазнения». Именно такой деятельности вздумали предаться Влад и Денис после серьёзных потрясений в личной жизни. Однако результаты её оказались совсем не теми, на которые рассчитывали приятели. В какой-то момент что-то пошло не так...Содержит нецензурную брань.

Содержание

I	5
II	15
III	25
Конец ознакомительного фрагмента.	32

I

Они встретились случайно. В центре города, в субботу, около полудня. Был прекрасный июньский день. Небо было ясным, безоблачным, солнце – ярким, но не жарким, заботливо обливавшим землю мягкими, будто ласкающими лучами. Если там, где не было тени, и припекало порой немного, то этот недолговечный зной почти сразу же разгонялся то и дело налетавшим лёгким освещающим ветерком, приятно холодившим лица прохожих, широкой безбрежной массой двигавшихся в разных направлениях по просторному тротуару. Не менее плотный автомобильный поток тёк по обширной проезжей части, оглашая окрестности не стихавшим ни на секунду густым монотонным гулом, из которого периодически вырывались то приглушённые, то пронзительные звуки сигналов.

– Привет, Денис.

– Привет, Влад.

Они пожали друг другу руки и мельком взглянули один на одного. И, несмотря на мимолётность этого взгляда, тут же сумели различить сквозь дежурные улыбки, как по команде появившиеся при встрече на лицах у обоих, некоторую напряжённость и хмурость, сквозившую в чертах и одного, и другого. Оба, по-видимому, были чем-то недовольны, озабочены, таили в себе что-то не слишком приятное для них, то, чем совсем не склонны были делиться даже с близкими приятелями, каковыми они являлись.

В результате после взаимных приветствий повисла не очень ловкая пауза. Они отвели взгляды друг от друга и принялись рассеянно озираясь кругом, без всякого интереса глядя на прохожих, нескончаемой беспорядочной вереницей проплывавших мимо, на проносившиеся чуть поодаль, притормаживавшие на пешеходных переходах и снова мчавшиеся дальше машины, на выстроившиеся вдоль дороги ровной, уходившей вдаль шеренгой невысокие каштаны, увенчанные пышными тёмно-зелёными кронами, на вздымавшиеся по другую сторону тротуара массивные высотные дома, на первых этажах которых располагались многочисленные магазины самого различного профиля, от продовольственного до книжного, куда беспрерывно входили и откуда так же беспрерывно выходили, кто с покупками, кто без, бесчисленные посетители.

Наконец, видимо вдоволь насмотревшись на довольно однообразный уличный пейзаж и сообразив, что молчание чересчур затянулось, Влад, стройный, крепко сложенный шатен с красивым нагловатым лицом, на котором выделялись большие холодноватые ярко-голубые глаза, самоуверенно и цепко, с хищным прищуром, как на что-то принадлежащее лично ему, смотревшие на всё и всех вокруг, мотнул головой, будто стряхивая не совсем свойственную ему, тяготившую его задумчивость, и с лёгкой усмешкой обернулся к приятелю.

– Ну, чё молчишь-то, дружбан? Как делишки?

Денис, также поневоле отвлёкшись от своих дум, чуть скривился.

– Да никак. К экзамену вот готовлюсь. Как и все.

Влад, по-прежнему с насмешливым видом, кивнул.

– Экзамен – это хорошо. Это нужно. Что может быть важнее высшего образования? Особенно в наше время... А что за экз?

Денис, будто забыв название экзамена, к которому он, по его словам, готовился, на мгновение заколебался и лишь чуть погодя, да и то как-то нетвёрдо, словно не вполне уверенный, тихо проронил:

– Отечественная история.

Влад в притворном восторге закатил глаза.

– О-о, история! Тем более отечественная. Я всегда тащился от неё, ещё в школе. Это, если хочешь знать, вообще самый важный предмет. Важнее всех остальных, вместе взятых.

А знаешь почему? – Он поднял палец вверх и, чуть понизив голос, будто раскрывая тайну, с расстановкой произнёс: – Потому что без знания истории у нас не может быть будущего. О как! – И, не выдержав этой ложной значительности, очевидно пародировавшей кого-то из преподавателей, тут же прыснул и залился смехом.

Который, правда, оказался недолгим и, как показалось Денису, не очень искренним. И оборвался так же внезапно, как и возник. После чего Влад заметно помрачнел и, наморщив лоб и поджав губы, вновь обратил блуждающий взгляд вдаль, поверх голов бесконечной чередой двигавшихся рядом, куда-то спешивших или, наоборот, никуда не торопившихся, просто прогуливавшихся в погожий летний денёк людей.

Опять установилось молчание. Приятели вновь глазели по сторонам и точно избегали смотреть друг на друга. Как будто им нечего было сказать один другому. Или, вернее, как если бы, несмотря на многолетнюю дружбу, они вдруг ни с того ни с сего застеснялись один одного, словно чужие, впервые повстречавшиеся люди, которым нет никакого дела одному до другого, которые тягостятся друг другом и думают лишь о том, как бы поскорее прервать ненужное им обоим знакомство и разбежаться в разные стороны, чтобы никогда больше, даже ненароком, не свидеться.

И снова продолжавшееся пару минут безмолвие нарушил Влад. Переведя некоторое время бесцельно бродивший где-то взгляд на товарища, также взиравшего неведомо куда и, по-видимому, ушедшего в себя, он по привычке неизвестно чему усмехнулся и, боднув головой, рассеянно, явно без особого интереса спросил:

– Ну, что там в универе новенького? Я просто давно там не был. Занят очень в последнее время, – с таинственным видом прибавил он.

Денис, вновь вынужденно оторванный от своих мыслей, немного растерянно огляделся и пожал плечами.

– Да вроде ничего. Всё по-старому.

Влад, задавший свой вопрос просто так, чтобы сказать хоть что-то, равнодушно кивнул.

– Ясно. Я другого и не ожидал. Что нового может быть в этой отстойной шараге? Там как на кладбище – никогда ничего не происходит. Тем более на истфаке.

Денис, видимо невольно задетый пренебрежительным тоном собеседника, вскинул на него глаза и насупил брови.

– Чего это «тем более»? А на твоей экономике лучше, что ли? Такой же отстой.

Влад не стал спорить:

– Согласен. И там тоже отстой. Но всё же... – он помедлил, будто подбирая нужные слова, – истфак – это, согласись, уже полное дно. Просто днище! Ниже некуда.

Денис насупился ещё сильнее и сердито покосился на приятеля. Но, подумав немного, ничего не смог возразить по сути и вместо этого привёл единственный пришедший ему в голову довод, говоривший, по его мнению, в пользу родного факультета:

– Зато девчонки у нас самые красивые в универе!

Но Влад расхохотался ему в лицо.

– Ага, как же! Держи карман шире. Видел я этих ваших красоток. Уровень ниже среднего. Ни то ни сё... Ну, ладно, справедливости ради признаю, есть там у вас пара-тройка годных тёлочек. Но это скорее исключение. Приятное, но редкое.

– А где ж тогда, по-твоему, самые красивые тёлки? – не без ехидства полюбопытствовал Денис. – На экономике, очевидно?

Однако Влад, точно не заметив иронии, ответил без тени улыбки:

– Нет, не на экономике. В пэтэухах.

Денис недоумённо воззрился на него.

– Чего? Каких ещё пэтэухах?

– Самых обыкновенных, – по-прежнему совершенно серьёзно, не моргнув глазом, произнёс Влад. – Профтехучилищах. Ну, или колледжах, называй как хочешь. Вот там, по моим наблюдениям, самые крутые девчонки. Просто глаз не оторвать! Огонь!

Денис скептически покачал головой.

– Чепуха какая-то... С чего ты вообще взял это? Когда это ты бывал в пэтэу?

– Бывал, бывал, – заверил Влад с немного загадочной усмешкой. – Я ещё и не в таких местах бываю. Так что могу судить вполне авторитетно, на основании личного опыта.

Денис, не в силах сообразить, шутит приятель или говорит серьёзно – по его лицу и тону трудно было определить это, – передёрнул плечами и поинтересовался:

– Ну и почему ж они там, по-твоему, такие крутые? Что прям глаз не оторвать.

Влад немедленно удовлетворил его любопытство:

– Всё очень просто. Наука вредна человеку. С этим, надеюсь, ты не станешь спорить? А девушкам в особенности. Длительная изнурительная учёба влияет на внешность, осанку, цвет лица. И, как сам понимаешь, совсем не лучшим образом. Погляди вон на шибок вумных, учёных баб – уродина на уродине! Ну, и как следствие этого, портится характер. Причём необратимо и фатально. Девчонка становится замкнута, неуравновешенна, раздражительна, агрессивна. Постепенно превращается в самую настоящую стерву. Она всем недовольна, ей всё не нравится, она вечно на взводе и стремится сорвать зло на окружающих. Прежде всего на том, кто ближе всех: на своём парне. И кто в итоге оказывается в проигрыше? Кто становится козлом отпущения? Мы! Ты, я, кто-то ещё.

Денис усмехнулся краем губ.

– Очень верные замечания. Вероятно, тоже почерпнутые из богатого личного опыта?

Влад неопределённо качнул головой и чуть прищурился.

– Возможно.

И, немного помолчав, продолжил свою мысль:

– А пэтэушницы в большинстве своём свободны от всего этого. Они не заморачиваются учёбой. Да и всем остальным тоже... И как результат: они веселы, общительны, непринуждённы, ненавязчивы, раскованны, просты и доступны. А главное, они – красотки! В основном. Исключения, разумеется, бывают везде и во всём.

Денис, выслушав эти в высшей степени нетривиальные рассуждения, опять хмыкнул и покрутил головой.

– Оригинально. Очень свежие мысли. Невольно возникло желание замутить с пэтэушницей.

Влад выразительно повёл бровью.

– Всё в наших руках. Мы, только мы сами кузнецы своего счастья. Никто, кроме нас самих, об этом не позаботится.

Денис после этих слов вдруг посмугнел и вполголоса пробормотал:

– Да уж, с этим не поспоришь. Только мы сами...

Влад пристально, будто изучая, посмотрел на товарища и, словно прочитав что-то на его внезапно омрачившемся лице, – которое, впрочем, и до этого было не особенно жизнерадостным, – после небольшой заминки спросил:

– А что это ты вроде кислый какой-то? Случилось что?

Денис, точно застигнутый на месте преступления, чуть вздрогнул и решительно замотал головой.

– Да нет... С чего ты взял? Всё в порядке... Как обычно.

Влад, не отводя от него пронизывающего, испытующего взгляда, выпятил губы и поцокал языком.

– Н-да? Так-таки и ничего?

Денис ещё категоричнее тряхнул головой.

– Ничего! Всё в норме. Всё по плану.

Влад сделал удивлённо-заинтересованное лицо.

– А-а, даже так? У тебя и план есть, оказывается? Это что-то новенькое... Какой же, если не секрет?

Денис немного оторопело огляделся и пожал плечами.

– Ну-у... это... сессию вот сдать... Потом, значит, практика... Потом это... ну, как её?..

– Ну ясно, – не дослушав, прервал его собеседник и, прикрыв рот ладонью, зевнул. – Короче, нет у тебя никакого плана. Просто плывёшь по течению. А я-то думал...

Денис хмуро зыркнул на приятеля.

– Как и ты вообще-то.

– И я тоже, – с готовностью, даже как будто с радостью согласился Влад. – Плыву, как и все... Правда, иногда попадаются подводные камни, – как-то глухо примолвил он, уже совсем невесело ухмыльнувшись.

Его интонация и угрюмая усмешка не ускользнули от внимания Дениса. Он поднял глаза на друга и, секунду помедлив, спросил:

– И что ж это за камни?.. Если не секрет, конечно.

Влад ответил ему задумчивым, чуть прищуренным взглядом, в котором плясали и змеились мрачноватые огоньки. Он очевидно колебался, стоит ли откровенничать с товарищем и открывать ему то, что переполняло его, Влада, до краёв и рано или поздно, желал он того или нет, грозило выплеснуться наружу и стать известным всем и каждому. Во всяком случае, всем его друзьям и знакомым, более или менее близким. Ведь шила в мешке не утаишь. А история, которую он и хотел, но всё как-то не решался – что-то, он сам не понимал что, останавливало его в последний момент – поведать напарнику, была такого рода, что недолго сохраняются в секрете и в конечном итоге получают самую широкую и порой скандальную огласку, обрастая, по мере распространения, всё новыми подробностями, пикантными, будоражащими воображение штрихами и откровенно скабрёжными, на грани правдоподобного, деталями.

А потому, быстро прокрутив всё это в уме и справедливо рассудив, что таиться не имеет смысла и пусть лучше приятель узнает всё из первых уст, от главного героя и правдивого очевидца происшедшего, чем чёрт знает от кого, Влад в очередной раз криво усмехнулся и с нарочито бодрым, разухабистым видом – видом человека, которому уже нечего терять, – проговорил:

– Не секрет. У меня от друзей нет никаких тайн. Даже в такой, казалось бы, интимной сфере.

После этих слов Денис тут же наострил уши и чуть осклабился, приготовившись услышать нечто интригующее, дразнящее и пряное.

И не ошибся. Приятель не обманул его ожиданий, ярко и непринуждённо, ничего не скрывая и не упуская, точно на исповеди, поведав о том, что случилось с ним на днях.

– Короче, подцепил я по случаю одну шикарную тёлку, – отведя взгляд в сторону, на без конца двигавшийся невдалеке поток машин, начал Влад. – Кстати, учащаяся пэтэу. Автотранспортный колледж. Зовут Дианой. Поверь мне на слово, девка просто огонь! Всё, как говорится, при ней. Ноги, жопа, сиськи – всё экстракласса. Как у модели. Личико тоже прелесть, как на картинке... В общем, высший класс! Сам понимаешь, я б на абы что не польстился. Мне нужно только лучшее. Только эксклюзив... Ну, вот такой я, ничего не могу с собой поделать, – и он самодовольно и заносчиво скривил свои красиво очерченные, чуть бледноватые губы.

Денис с плохо скрытым недоброжелательством покосился на друга. «Ещё б тебе не выпендриваться!» – мелькнуло у него в голове. – «С таким баблом, как у твоего бати, можно хоть птичье молоко себе позволить, а не то что сисястую пэтэушницу».

– Ну, короче, девчонка стоворчивая оказалась, понимающая, – продолжил Влад свои откровения, как будто стремясь поскорее выговориться и снять лежавший на сердце груз. – В

отличие от наших грамотных кривляк. Долго не ломалась... Да, собственно, вообще не ломалась, – прибавил он с похабной улыбочкой. Которая, правда, тут же улетучилась с его лица, сменившись напряжённым и даже чуть озабоченным выражением. – В общем, быстро мы столковались, и я повёл её к себе. Ну, там тоже долго не тянули – я раскошегарился, она тоже – и почти сразу принялись за дело... – он вновь сделал паузу и многозначительно посмотрел на друга.

Тот ответил ему таким же красноречивым поблёскивающим взглядом и качнул головой, словно призывая не отвлекаться.

Влад опять устремил взгляд на проезжую часть и, немного помолчав, будто собираясь с мыслями, повёл свою речь дальше:

– И надо ж мне было забыть, что я дал Оксанке ключ от своей хаты. Сам дал, понимаешь! Собственными руками. Никто меня не заставлял... Где была в тот момент моя голова? Как затмение какое-то нашло. Вот уж точно, если бог хочет наказать, то лишает разума...

Денис приподнял брови.

– О, даже так! Ваши отношения зашли уже так далеко? До ключа от квартиры... где деньги лежат, – не удержался он от остроты.

Но Владу, очевидно, было не до шуток. Он невесело, с оттенком горечи усмехнулся.

– Да уж, далеко. Дальше некуда... – И, тряхнув головой, будто прогоняя несвоевременные, мешавшие ему и тяготившие его мысли, заговорил подчёркнуто нейтральным, безразличным тоном, как если бы речь шла не о нём, а ком-то постороннем: – Ну, короче, в самый интересный момент... ну, ты понимаешь, в какой...

– Понимаю, понимаю. Ты не тяни резину, – поторопил его заинтригованный началом рассказа Денис, уже примерно представлявший себе, что будет дальше, и ожидавший подробностей, в которых обычно сосредоточивается главный нерв подобных историй.

И Влад не разочаровал его, подробно, связно, почти без запинок, а главное, без всякого стеснения, по-прежнему с безучастным, чуть насмешливым выражением изложив то, что было дальше:

– И вот, когда я меньше всего ожидал этого, когда голова у меня, да и всё остальное, была занята совсем другим, на пороге появляется Оксанка... Так тихо, блин, зашла, что я ничего не услышал. И Диана тоже. Такое ощущение, что она выследила нас и специально вошла как можно тише, чтобы застукать на самом горячем. Чтoб у меня не было возможности отпираться...

– Не исключено, кстати, – с видом эксперта отметил Денис.

– Я услышал и увидел её только тогда, когда она вошла в спальню, – продолжал Влад, наморщив лоб, словно припоминая не то, что случилось вот-вот, буквально на днях, а что-то давно прошедшее и успевшее изгладиться из памяти. – И остановилась как вкопанная... Я отлично – и, наверно, навсегда – запомнил её лицо в тот момент...

– О да! Могу себе представить, – опять не удержался от реплики Денис, скаля зубы и округляя глаза.

Влад же, дойдя до этого места, вдруг умолк и потупился, точно не в состоянии продолжать. Очевидно, едва он затронул и углубился в эту тему, воспоминания о случившемся нахлынули на него с особенной силой и, чего, возможно, не ожидал он сам, вывели его из душевного равновесия. Которое, впрочем, – в чём он вынужден был признаться себе, – и до этого было довольно относительное и неустойчивое. К происшедшему между ним и Оксаной он по привычке пытался относиться легкомысленно и небрежно, как к чему-то сиюминутному, незначительному, не стоящему внимания, что никак не повлияет на него, не отразится на его жизни и забудется через день-другой. Но день-другой прошёл, а, вопреки его ожиданиям, ничего не забывалось. И легче ему не становилось. Напротив, делалось всё тяжелее, тоскливее, нестерпимее. Настроение было хуже некуда, в голову лезли мысли одна гаже другой. И бесконечное

количество раз всплывала в памяти всё та же безобразная сцена, в которой он выступил в, мягко говоря, несколько сомнительной роли. Сцена, с которой всё и началось. Или, вернее, если говорить об их отношениях, которой, как он всё отчётливее понимал, всё окончилось. Всё, что было между ними. Всё, что связывало их. Всё, что как-то неожиданно для него самого успело стать привычно, близко и дорого ему, без чего он уже не представлял своей жизни. А если и представлял, то она уже не казалась ему такой яркой, интересной, насыщенной, каждый день сулящей что-то новое и захватывающее, какой она стала после того, как в ней появилась Оксана.

И вот Оксаны нет. Вернее, она есть, она где-то рядом, живёт в этом городе, ходит по этим улицам. Но в его жизни её больше нет. Для него она потеряна. И, похоже, навсегда. Потому что он понимал, что она не простит его. Он ясно прочитал это в её глазах в тот миг, когда она возникла на пороге его спальни – уже ставшей к тому времени их спальней – и увидела то, как он предпочитает проводить время без неё. Её взгляд был более чем выразителен. Так умеет смотреть только девушка, обманутая и оскорблённая в лучших своих чувствах. Девушка, которой плюнули в душу. Которую облили грязью. И которая в это самое мгновение всё для себя решила. И назад дороги нет...

– Что, реально всё так плохо? – вывел его из задумчивости голос приятеля, утомлённого затянувшимся молчанием. – Неужели ж ты не мог как-нибудь вывернуться, оправдаться? С твоим-то красноречием.

Влад искоса взглянул на него и с мрачной иронией произнёс:

– Очень трудно оправдаться перед девушкой, если она видит тебя в тот момент, когда твой член находится во рту у другой тёлки.

Денис лишь развёл руками. Возразить было нечего. Ситуация была предельно ясна и не требовала уточнений.

Разговор прервался. Оба вдруг почувствовали себя немного неловко и отвели взгляды друг от друга. Снова без особого интереса и внимания принялись оглядывать окрестности, думая каждый о своём и не спеша продолжать общение. Казалось, им нечего было больше сказать один другому и, наскучив как продолжительным безмолвием, так и обществом друг друга, они вот-вот попрощаются и разойдутся кто куда, каждый со своими мыслями и впечатлениями от состоявшейся недолгой, но по-своему любопытной и содержательной беседы. И, возможно, если бы они так и поступили, это в итоге было бы лучше для них обоих...

Однако этого не случилось. Искерпанный и иссякший, как казалось, разговор спустя какое-то время возобновился. И на этот раз молчание прервал Денис. По-видимому, более чем откровенные и саморазоблачительные признания товарища, на которые далеко не всякий решился бы, и его подтолкнули к тому, чего он поначалу совершенно не собирался делать. А именно, к тому, чтобы поведать свою историю. Может быть, не такую эффектную и каверзную, как у Влада, но для него самого, переживавшего случившееся остро и болезненно, ничуть не менее тягостную и драматичную. Как и прежде, не глядя на друга, а устремив отрешённый, чуть затуманенный воспоминаниями взор вдаль, он глуховатым, прерывающимся голосом произнёс:

– Ну, у меня это... как бы... тоже тут пару дней назад... маленькая неприятность случилась... А может, и не маленькая...

Влад тут же перевёл на него блеснувший интересом взгляд.

– Неприятность? Какого рода? В универе что-то?

Денис мотнул головой.

– Да нет. Универ тут ни при чём.

– А что? С родаками опять ругнулся? – предположил Влад.

Но Денис снова отрицательно качнул головой.

– Нет, и с родаками не ругался... Всё куда серьёзнее...

И, сказав это, он понурился и уронил совершенно потухший взгляд в землю, видимо не в состоянии говорить.

Влад, любопытство которого было задето таким многообещающим вступлением, подождал немного, не продолжит ли напарник свои заглушённые в самом начале откровения. Но, видя, что тот, судя по всему, совсем скис и не намерен развивать затеянный им же самим разговор, тронул его за плечо и мягко, но настойчиво промолвил:

– Ну, ты не тупи, дружбан. Раз уж начал, продолжай. А то некрасиво как-то получается.

Денис поднял на него хмурый, полный неподдельной грусти взгляд. Владу показалось даже, что он уловил в глазах приятеля блеск слёз. Однако он был неумолим.

– Рассказывай, Дениска, рассказывай. Чего уж там. Я ничего не стал скрывать от тебя. Выложил всё начистоту. Как другу. Так что давай откровенность за откровенность.

Неизвестно, эти ли настоящие товарища или какие-то внутренние причины побудили Дениса продолжить свои признания, но он сделал это. Взяв себя в руки, преодолевая волнение и лёгкую дрожь в голосе, но по-прежнему отводя взгляд куда-то вбок, будто стесняясь или просто не в силах смотреть в этот момент на собеседника, он вялым, расслабленным голосом заговорил:

– Короче, позвонила мне позавчера Светка и сказала... Сказала, в общем, что между нами всё... всё кончено... Что у неё есть другой... которого она любит... С которым, как выяснилось, она уже давно... А меня она давным-давно разлюбила и ничего общего больше со мной иметь не хочет... Да и любила ли вообще, вот вопрос? – спросил он вдруг сам себя и мучительно, точно от боли, сморщился, как будто поражённый этой неожиданно осенившей его мыслью.

Влад, по губам которого бродила неопределённая, не то сочувственная, не то чуть насмешливая, полуулыбка, выслушав друга, передёрнул плечами и присвистнул.

– Ай да Светик! Ну и стерва!.. Хотя я всегда подозревал... – добавил он вполголоса и криво усмехнулся.

Денис взметнул на него острый, испытующий взгляд.

– Почему стерва? Что ты подозревал?

Влад попытался отшутиться:

– Ой, да все они стервы! Я тут Америку не открыл. Что ты, сам этого не знаешь?

– Нет, нет, не заговаривай мне зубы, – стоял на своём Денис, не сводя с приятеля упрямого, пронизывающего взора. – Говори прямо: что ты знаешь о ней?

Влад поглядел на него серьёзно, без улыбки.

– Ты действительно хочешь это знать?

– Да, хочу. Говори!

– Ну, смотри, – и, чуть помолчав, Влад, в свою очередь глядя на друга в упор, медленно, убийственно холодным тоном произнёс: – Я в последнее время не раз видел её в городе с каким-то хреном. Да и не только я... И по их поведению сразу было видно, что у них отношения вполне определённого рода...

– Они ц-целовались? – глухим, надломленным голосом спросил Денис, едва шевеля посе-ревшими губами.

Влад хмыкнул.

– Ну, очевидно. Тут можно и самому догадаться.

– Где ты их видел? – немедленно последовал другой уточняющий вопрос.

Влад закатил глаза кверху, припоминая.

– Ну, в кафешке этой, что у фонтана... Потом в пиццерии... не помню, как она называется... которая возле Белой церкви... Вот тут недалеко, в сквере, они гуляли совсем недавно в обнимочку...

По мере того как он говорил, Денис бледнел всё сильнее, и Влад, заметив это, остановился, опасаясь, что приятелю станет сейчас плохо.

– Алё, кореш, с тобой всё в порядке? – встревоженно спросил он, беря Дениса за руку.

Однако тот отнял руку и протестующе помахал ею.

– Не-не, всё нормально. Это я так... от неожиданности... Тяжело последним узнавать то, что непосредственно тебя касается... И что, как выясняется, давно уже всем известно... Всем, кроме меня, – и он горько усмехнулся и поник головой.

Влад пожал плечами и философски заметил:

– Ну, что ж поделаешь. Такова, мать её, жизнь!

Денис глянул на него исподлобья и каким-то совсем уж замогильным голосом пробормотал:

– Жизнь, говоришь... А нахрена вообще такая жизнь?

Влад нахмурился и ободряюще похлопал товарища по плечу.

– Э-э, братан, ты не перебарщивай! Не перегибай палку. То, что тебя тёлка опрокинула, это, конечно, неприятно, признаю. Но это всё-таки не конец света... Это только конец Светы! – походя скаламбурил он, но, тут же осёкшись, продолжил свои увещания: – Невелика потеря. Переживёшь как-нибудь. Заведёшь себе другую. Ещё и получше, чем эта шлюшка, которая у тебя за спиной...

Денис при этих словах опять скривился и побледнел, и Влад немедленно смягчил тональность и с беспечной, беззаботной улыбкой, несколько, правда, наигранной, проговорил:

– В общем, не надо делать из этого трагедии. Из мухи слона. Свет клином на ней не сошёлся. Тёлок на наш век хватит. С лихвой!

– А для меня сошёлся... клином, – с усилием процедил сквозь зубы Денис, глядя невидящими, мутноватыми глазами в пространство. – И именно на ней... Я любил её, понимаешь ты это?.. И люблю...

– Ну и дурак! – не выдержав, воскликнул Влад. – Она откровенно игнорит тебя, просто плюёт на тебя, шляется в открытую с кем попало. А ты любишь её после всего этого!..

Постепенно разгораясь, он хотел продолжить в том же духе и высказать приятелю всё, что он думал о нём и его уже бывшей подружке. Но, взглянув на расстроенную, жалкую, несчастную физиономию Дениса, казалось, делавшего отчаянные усилия, чтобы не разрыдаться, удержался от дальнейших обличений и снова мягко потрепал друга по плечу.

– Ну, ладно, ладно. Не кисни. Всё не так уж страшно, если разобраться. Всё в этом мире поправимо, кроме смерти... Я вот тоже Оксанку, вероятнее всего, потерял. Однако ж духом не падаю. Не посыпаю голову пеплом. Хотя мне тоже несладко сейчас. Кошки скребут на душе...

Денис дёрнул плечом, стряхивая руку напарника, и хмуро поглядел на него.

– Ты, блин, сравнил! Хрен с пальцем... У нас совершенно разные ситуации. Оксанка и не думала тебя бросать. Она любила тебя, козла... Ты сам всё изгадил, испоганил. Ты во всём виноват! А у меня... – он не договорил и, будто не находя слов, лишь махнул рукой и опять понурился.

Влад, судя по его лицу, хотел было ответить на неожиданный выпад товарища не менее резко. Но удержался и, мгновение подумав, шевельнул бровью и согласно качнул головой.

– Ну что ж, пожалуй, ты прав. Я во всём виноват... Только от этого почему-то не легче...

Разговор оборвался. И, как казалось, уже окончательно. Они сказали один другому всё, что хотели, и, наверное, даже больше того. И теперь не знали, о чём им ещё говорить. Главное было произнесено. То, что волновало, тревожило, мучило, не давало им покоя более всего, о чём, несмотря на все старания, они не смогли умолчать, что почти помимо их воли вырвалось наружу. Они, хотя бы отчасти, выговорились, облегчили, насколько это было возможно, душу, пожаловавшись друг другу на свои личные неурядицы. А вот дальше словами было уже не

помочь. Дальше всё могла расставить по своим местам только сама жизнь. И тут от них уже мало что зависело...

Впрочем, Влад, как вскоре выяснилось, так не думал. Обладая кипучей, неутомимой, предприимчивой натурой, находившейся в вечном, хотя и несколько бестолковом, движении и непрерывном поиске чего-то нового, необычного, неизведанного, он, в отличие от приятеля, не в состоянии был чересчур долго предаваться унынию, тоске и бесплодным сожалениям. Длительное подавленное состояние, хандра и депрессия были неведомы ему. Как только он замечал, что подобные настроения вольно или невольно овладевают им, он стряхивал их с себя как старую изношенную одежду и азартно, безоглядно, чаще всего бездумно устремлялся навстречу новым впечатлениям, новым ощущениям, новым людям, стремясь отвлечься, забыться, переменить обстановку, вдохнуть другого воздуха. Напоминая в какой-то мере пьяницу, который отвлекается и забывается с помощью алкоголя.

И вот, настроившись после недолгого перерыва на эту, гораздо более привычную для него волну активности и напора, он уже намного веселее, с блеском в глазах и улыбкой на устах, взглянул по сторонам и толкнул локтем напарника, как и прежде, поникшего, сокрушённого, углубившегося в себя и свои безотрадные мысли.

– Ладно, всё! Хватит хныкать и ныть! Эти сучки реально не стоят этого. В любой момент можно найти им замену. Стоит только захотеть!

Денис не отреагировал. Даже глаз не поднял на друга, будто не услышал его и не почувствовал его прикосновения.

Но Влад не унимался.

– Я, если хочешь знать, делаю это запросто. Как говорится, с пол оборота, – очевидно не заботясь о том, слушает его приятель или нет, тархтел он, бросая зоркий, оценивающий взгляд на тёкшую мимо многоликую, разношёрстную толпу – бесконечную череду ежесекундно сменявших друг друга лиц, от которых в конце концов начинало рябить в глазах. – Подхожу к первой попавшейся... ну, естественно, понравившейся мне тёлке и начинаю говорить лишь бы что, совершенную дичь, набор слов. Первое, что в голову взбредёт. Главное, чтоб это более-менее гладко и складно звучало. Ну, а уж это я могу, сам знаешь!

Знал это Денис или нет, осталось неизвестным. Он по-прежнему был безучастен и отстранён от окружающего и, казалось, полностью погружён в себя. И бодрая трескотня приятеля, судя по всему, совершенно не занимала его.

Но тому, вероятно, уже и не требовалось его внимания. Всё более распаляясь, входя в раж и вдохновляясь своими замыслами, ни с того ни с сего овладевшими им, он всё энергичнее вертел головой туда-сюда, всё пристальнее вглядывался в фигуры и лица прохожих, выбирая среди них то, что было ему нужно, на что он затевал широкомасштабную охоту, и, хищно шурясь, продолжал разглагольствовать, озвучивая соображения, роившиеся в его взбудораженном уме:

– И ведь это действует! Реально действует! Я это не просто так, ради похвалы, для красного словца говорю, а сужу по собственному опыту. Они развешивают уши после первых же слов и слушают весь этот бред, как околдованные. И на лицах у них всех... ну, почти всех... такое выражение, словно они всю жизнь ожидали, чтобы кто-нибудь подъехал к ним и наплёл всякой хрени с три короба. Тут главное, чтобы говорящий прилично выглядел и внушал доверие. А остальное, как грится, дело техники... Ну, а с техникой у меня, слава богу, всё в порядке. Как и со всем остальным, – не удержался он от очередной маленькой похвалы в свой адрес.

Взглянув при этом на друга, он обнаружил, что тот вышел наконец из своей совершенно поглотившей было его апатии и, видимо волей-неволей привлечённый неумолчной болтовнёй приятеля, смотрел на него если не с интересом, то хотя бы уже не так отрешённо и уныло, как только что.

Обретя какого-никакого слушателя, Влад воспламенился ещё больше и, обращаясь уже непосредственно к нему, понемногу повышая голос, затараторил с новой силой:

– Знаешь, сколько я так тёлочку снял? Вот так, запросто, тупо подойдя прямо на улице и поездив им по ушам. Пару десятков, ей-богу! Если не больше. Просто не считал... А мог бы и больше, гораздо больше, если б занялся этим всерьёз и поставил это дело на поток. Просто мне нужды в этом нет. Пикап для меня – так, хобби. Одно из средств поразвлечься, развеять скуку. Ну и тренировка своего рода – надо ж держать себя в форме, не утрачивать навыков. А для этого, как известно, нужна постоянная практика. Вот и практикуюсь периодически!

На бледном, осунувшемся лице Дениса, поневоле прислушивавшегося к нескончаемой, казалось, трескотне напарника, появилось что-то отдалённо похожее на улыбку.

Влад, заметив это, улыбнулся во весь рот и, взмахнув рукой, серьёзным, деловым тоном, без прежнего пыла, произнёс:

– Я всё это вообще к чему говорю? К тому, что девок вокруг пруд пруди. Как рыб в море. Как звёзды на небе. Они буквально валяются у нас под ногами. На любой, самый взыскательный и привередливый вкус. Выбирай какую хочешь. Стоит только оглянуться и посмотреть как следует. И ты увидишь такие чудеса! Нужно лишь дать себе труд наклониться и подобрать ту, которая понравится тебе... Но многим даже это в падлу сделать! Не будем же уподобляться таким увальням и лохам и примемся за дело немедленно. Чего тянуть-то?

Денис улыбнулся более определённо. И подал наконец голос, осторожно заметив:

– Что, ты прям сейчас собираешься заняться этим?

Влад ещё раз порывисто махнул рукой.

– А почему нет? Что или кто может остановить нас? Кто может помешать нам, встать на нашем пути? Мы теперь, после всего случившегося с нами, совершенно свободны, независимы, суверенны. Прям как наша замечательная страна... У нас ни перед кем нет никаких обязательств...

Денис ухмыльнулся с нескрываемым сарказмом.

– Можно подумать, они у тебя раньше перед кем-то были!

Влад пропустил эту колкую реплику мимо ушей и продолжал как ни в чём не бывало:

– Не мужское это дело – киснуть, плакаться, страдать. Этим пусть бабы занимаются – у них это получается гораздо лучше. А мы будем действовать. И всё у нас получится. Будем в шоколаде! Назлю всем этим пафосным шалавам, бог знает что возомнившим о себе... Неужели они в самом деле вообразили, что они прям такие незаменимые, уникальные? Что мы жить без них не сможем? И никого не найдём себе вместо них? Что останемся одинокие, бесхозные, никому не нужные? Странное заблуждение! Незаменимых, как известно, нет. И я лично намерен найти себе кого-нибудь теперь же, не откладывая в долгий ящик, – и он, полуобернувшись, окинул орлиным взором заполненный народом широкий тротуар.

Денис также немного недоумённо огляделся.

– Ты серьёзно?

Влад, раздувая ноздри и не переставая буравить горящим взглядом уличный простор, решительно тряхнул головой.

– Да! Будем действовать здесь и сейчас. Я чувствую прилив вдохновения и энтузиазма. А это значит, что нас ждёт удача. Так что вперёд, мой друг. За дело!

И он тронулся с места и решительно вмешался в двигавшуюся мимо многоголовую толпу.

Денис медлил. На лице у него было написано сомнение. Но спустя какое-то время, чуть кривясь и покачивая головой, будто по-прежнему колеблясь, но не находя иного выхода, он потянулся вслед за товарищем.

II

Первую «жертву» не пришлось ждать слишком долго. Уже через минуту, пронзая цепким, пронзительным взглядом окружающую толчею и перескакивая с одного лица на другое, Влад высмотрел подходящую, по его мнению, кандидатуру и, довольно крикнув, устремился вперёд. Денис, являвший собой полную противоположность своему деятельному, исполненному сил и огня приятелю, по-прежнему чуть рассеянный и не скрывавший своего скепсиса в отношении предстоящей затеи, медленно, точно против воли, поплёлся за ним.

Но и Денис не мог не отметить, что девушка, избранная его ретивым напарником в качестве объекта охоты, заслуживала внимания. Стройная, фигуристая, просто, но со вкусом одетая, с тонкими, живыми, чертовски привлекательными чертами и блестящими небесно-синими глазами, которыми она с некоторым удивлением, но одновременно и интересом воззрилась на двух незнакомых парней, заступивших ей дорогу.

– Девушка, здравствуйте! – не давая ей опомниться, заговорил Влад, подступая к ней вплотную и ощупывая её блудливым масляным взглядом. – Простите за беспокойство. Помогите нам, пожалуйста, разобраться в одном важном вопросе. А то вот мы с товарищем спорим, спорим и всё никак не придём к соглашению.

– Что за вопрос? – мягким, грудным голосом произнесла красotka, взмахнув длинными ресницами и с ещё большим интересом взглядывая на нежданно-негаданно представших перед ней незнакомцев.

– Такая вот ситуация. Прямо скажу, непростая, – принялся на ходу сочинять Влад, глядя девушке в глаза и лучезарно улыбаясь. – Мой приятель, вот этот, Денис его зовут, – я, кстати, Влад, – поссорился недавно со своей подругой. Из-за ерунды какой-то, на которую и внимания обращать не стоило бы. Поссорились, значит, затаили обиду, прервали отношения. И даже не думают мириться. Ни он не желает делать первый шаг, ни она. Оба слишком гордые для этого! Вот я ему и советую: спрячь свою гордость в карман, переступи через себя и извинись. Просто извинись, это ж совсем нетрудно. А он ни в какую...

– Ну, как сказать, – прервала его девушка, тряхнув недлинными, но густыми русыми волосами и чуть сузив глаза. – Иногда бывает и трудно. Мне, во всяком случае, было бы непросто.

– А вы бывали в такой ситуации? – тут же спросил Влад, стараясь не терять её взгляда, буквально вонзившись в неё взором.

Она повела тонкими загорелыми плечами и, не вдаваясь в подробности, заметила:

– Ситуации бывают разными. У меня одна, у вашего приятеля другая. И каждый должен разрешать её по-своему, в зависимости от конкретных обстоятельств. Тут первый встречный вряд ли поможет. Так что ваш друг должен решить свою проблему сам.

«Ну ты, мать, и умная! Это ж надо», – подумал Влад, неприятно поражённый чересчур рассудительными и суховатыми, как ему показалось, сентенциями незнакомки, которых он никак не ожидал от неё.

Желание кадрить синеглазую красавицу у него тут же пропало. Сказалось давнее, укоренившееся недоверие и неприязнь, даже определённая опаска по отношению к слишком, на его взгляд, умным девушкам. На лице у него появилась довольно кислая мина, которую он, правда, тут же вытеснил нарочито любезной, даже чересчур, улыбкой и, уступая красотке дорогу, медоточивым голосом произнёс:

– Большое спасибо, девушка! Вы нам очень помогли. Особенно моему другу. Уверен, благодаря вашему бесценному совету он решит свою проблему в два счёта.

Незнакомка, естественно, распознала прозвучавшую в его словах иронию, – которая была так очевидна, что её крайне сложно было не заметить, – но не подала вида и, пожав плечом, равнодушно обронила:

– Не за что.

И, чуть покачивая обтянутыми джинсами бёдрами, проследовала дальше.

Влад проводил её сумрачным взглядом, а затем, переведя его на приятеля, боднул головой.

– Не, ну ты видел, а? Вот то, о чём мы только что говорили. Как на заказ. Яркий образчик заумной тёлки, напрочь лишённой понимания и чувства юмора. Которая корчит из себя бог знает что и с которой просто невозможно говорить по-человечески.

– Да уж, явно не пэтэушница, – съязвил Денис, несмотря на расстроенные чувства, в которых он пребывал, получивший некоторое удовольствие при виде неудачи, постигшей его не в меру самоуверенного и нахрапистого товарища.

Который, не обратив внимания на замечание напарника, продолжал сокрушаться по поводу происшедшего и возмущаться незнакомкой, оказавшейся совершенно непригодной для его целей:

– Вот же угораздило, блин! А такая приличная с виду. И симпатичная, кстати... Не-ет, с такими лучше не связываться. Боже сохрани! Таких умничек, которые с ходу лезут учить тебя уму-разуму и наставлять на путь истинный, надо обходить десятой дорогой. Видали мы таких. Намучился я с ними в своё время. Больше не хочу...

И, словно вдруг резко исчерпав эту тему или просто не желая развивать её, он оборвал себя и, насильно усмехнувшись, с деланной непринуждённостью проговорил:

– Ну что ж, первый блин, как и положено, комом. Но трудности лишь раззадоривают и возбуждают меня, но никогда не останавливают и не заставляют свернуть с избранного пути. Так что продолжаем!

И он вновь устремил пристальный, ничего не упускающий, пылавший нетерпением взор в глубь двигавшейся по тротуару людской массы.

Денис промолчал. Лишь хмыкнул и с безучастным видом кивнул. Затея приятеля никакого сочувствия и интереса у него не вызвала, но чуть-чуть развлекала его, хоть немного отвлекая от копошившихся в нём угрюмых, безрадостных мыслей, в минуты уединения погружавших его в пучину самой чёрной, беспросветной тоски и безнадёжности.

Немного порыскав глазами туда-сюда, Влад, очевидно вновь приметив нужный объект, удовлетворённо оскалился и, петляя между прохожими, засеменил к намеченной цели.

Цели на этот раз оказалось сразу две. Впрочем, одну, приблизившись, Влад тут же мысленно забраковал – девушка была, на его вкус, так себе, ниже среднего, да к тому же в очках, что было для него совершенно неприемлемо. А вот с другой стоило, по его мнению, поработать – она была довольно мила, свежа, обладала правильными, мягкими чертами лица и красивыми, развитыми формами, прекрасно различимыми под лёгкой летней одеждой. К ней он и обратился прежде всего, выражаясь, правда, так, словно говорил с обеими:

– Привет, девчонки! Можно вас немножко побеспокоить?

Девушки, поневоле замедлив шаг, вскинули на него глаза, потом переглянулись, будто советуясь друг с дружкой, а затем опять перевели взгляд на него и разом кивнули, выражая своё согласие.

Влад мотнул головой и, сверкнув глазами, взялся за дело:

– Девочки, такая вот проблема. Мы с приятелем оказались в ужасном положении: нас практически одновременно бросили наши подруги. В один момент мы остались в одиночестве. Представляете, какое несчастье! Просто не представляем себе, как нам теперь быть. Растеряны, подавлены, удручены... Вплоть до того, что начинают порой посещать совершенно безумные мысли.

– Это какие же, например? – подала голос красotka, по-видимому заинтересованная горькой участью покинутых своими девушками парней.

– Да свести счёты с этой никчёмной, пакостной жизнью, в которой происходят такие вещи! – скорчив максимально расстроенную и жалобную мину, произнёс Влад таким же тоном и выпустил тяжелейший вздох. – Вот скажите, как жить дальше после такого? Где найти силы для этого? Как верить людям после случившегося?

Влад врал вдохновенно и искусно, со знанием дела. Видимо, сказывался богатый и многообразный опыт в этом непростом ремесле. В его глазах в какой-то миг даже блеснули слёзы.

И это сработало. Девушки, очевидно, были впечатлены и растроганы. Вновь обменявшись одна с другой взглядами, они посмотрели затем на Влада и Дениса с неподдельным участием и даже невольно остановились.

– Ну, может не стоит так уж убиваться? – проговорила, чуть подумав, красotka. А её подруга усиленно закивала, демонстрируя полное согласие с товаркой. – Всё это неприятно, конечно, согласна... Но есть же выход и из этой ситуации.

– Какой? – спросил Влад, по-прежнему с таким горестным, убитым видом, как если бы он и вправду подумывал о прекращении своего брэнного, опостылевшего ему существования.

Девушка подумала ещё немного, опять переглянулась со своей куда менее привлекательной и, видимо, несловоохотливой к тому же подругой, участвовавшей в разговоре лишь пассивно, и, чуть покраснев, будто стесняясь, вполголоса произнесла:

– Ну, познакомиться с другой...

Влад, с таким выражением, как будто он услышал самую неожиданную и оригинальную мысль в своей жизни, распахнул глаза и уткнул в собеседницу горящий восхищением взгляд.

– Вот это да! Поразительно! Как это я сам не догадался?

Незнакомка зарделась и потупила глаза.

Влад не стал тянуть резину и немедленно перешёл в наступление.

– Я вижу, ты очень хорошая девочка, – вкрадчиво проговорил он, придвигаясь к ней поближе и стараясь заглянуть в её затенённые густыми ресницами серые глаза. – Добрая, умная... и красивая... Как тебя зовут?

Она, чуть помедлив и по-прежнему не поднимая глаз, тихо обронила:

– Ангелина.

– О-о, отлично! – напротив, возвысив голос, воскликнул Влад, умело имитируя ещё больший восторг. – Чудесное имя! Одно из моих любимых. И очень подходит тебе. Ты и впрямь похожа на ангела. Правда, Денис? – метнул он выразительный взгляд в сторону приятеля.

Тот, с лёгкой усталой усмешкой наблюдавший сцену нехитрого оболыщения, утвердительно качнул головой.

– Ну, вот видишь, мой друг согласен со мной, что ты прекрасна, – продолжал искушать смущённую красотку Влад, приблизившись к ней уже настолько, что его губы почти касались её гладко зачёсанных и схваченных на затылке в плотный пук русых волос, а горячее дыхание обдавало её зарумянившуюся щёчку. – С этим только круглый дурак или слепой не согласится. Возле тебя, наверно, парни так и выются, как пчёлы над цветком?

Никак не ожидавшая такого напора девушка, окончательно смешавшись, ничего не сказала и лишь отрицательно мотнула головой.

– Да ладно тебе! – с придыханием вымолвил Влад, осторожно приобняв её за плечо. – Вот уж не поверю. Ты наверняка обманываешь меня, не хочешь признаться, какая ты на самом деле сердцеедка.

«Сердцеедка», дрожа как осиновый лист, подняла на него глаза с робким и умоляющим выражением и едва слышно пролепетала:

– Нет, правда... у меня нет парня...

– Ну, так, значит, пора ему появиться, – заявил Влад с неожиданным металлом в голосе, сопровождая свои слова жгучим, заглывающим взглядом, которым он гипнотизировал слегка ошеломлённую красотку, как удав кролика. – Я ведь нравлюсь тебе, да?

Ангелина, опять немного помедлив, будто поколебавшись, молча кивнула.

На губах у Влада появилась довольная, победительная улыбка.

– Ну, тогда сегодня вечером на площади, возле памятника, – твёрдым, не терпящим возражений тоном произнёс он, чуть отстранившись от неё и окинув её общим оценивающим взглядом. И, видимо удовлетворённый осмотром, закончил: – Жду тебя там в девять. Без опозданий, пожалуйста.

Она, вероятно не в силах от волнения произнести ни слова, вновь лишь безмолвно качнула головой.

А он, как бы в закрепление своего успеха, приподнял её голову за подбородок и поцеловал её в сочные алые губы.

Это, очевидно, оказалось для девушки последней каплей. Она вздрогнула, как от удара током, покраснела до корней волос, метнула на Влада укоряющий – и одновременно, без сомнения, уже влюблённый – взор и, схватив за руку свою немного обалдевшую от всего происшедшего на её глазах подругу, чуть не бегом устремилась прочь.

Влад проводил её озорным смеющимся взглядом, после чего, обернувшись к приятелю, многозначительно вскинул брови.

– Ну, как тебе?

Денис развёл руками и закатил глаза.

– Шикарно! Я впечатлён. Признаю, ты мастер. Разыграл всё как по нотам... Хотя...

Вздёрнутые брови Влада застыли и чуть изогнулись.

– Что «хотя»?

Денис, поглядев вслед двум подружкам, которых давно уже поглотила толпа, чуть скривил губы.

– Да они ж зелёные совсем. Явно в школе ещё учатся.

Влад, словно оскорблённый в лучших чувствах, выкатил на него глаза.

– Ну и что? Хоть бы и так. Девчонки уже вполне созревшие, годные в дело.

И, видя, что напарник продолжает кривиться и с сомнением покачивать головой, заговорил с искренним убеждением в голосе:

– Развести школоту бывает порой ещё труднее, чем пэтэушницу или студентку. Они ж запуганные часто своими мамками, бабками, тётками. На контакт идут туго. Приходится всячески изворачиваться, включать смекалку, корчить из себя влюблённого дурачка...

– Ну это у тебя получается непревзойдённо! – со смехом вставил Денис.

Влад хладнокровно проигнорировал неуместную шутку товарища и, не моргнув глазом, продолжал:

– Но результат, поверь мне, стоит того! В невинности есть что-то такое... эдакое... – он сделал неопределённый жест. – Ради этого можно и постараться, и напрячься, и попотеть. В итоге будешь доволен!

– Ага, – чуть поморщился Денис. – Главное только не перестараться. А то итог может оказаться и не такой приятный.

Влад насторожился.

– Что ты имеешь в виду?

Денис промолчал. Лишь со значением шевельнул подбородком.

Влад, очевидно поняв, что имел в виду собеседник, передёрнул плечами и небрежно проронил:

– Не, это не про меня. Ничего недозволенного. Уголовный кодекс мы чтим. В лучших традициях...

На достигнутом, однако, Влад не остановился. Чувствуя растущий задор и охотничий азарт, он, как насторожившаяся гончая, вновь метнул кругом отточенный, сверкающий взор...

И почти сразу же разглядел нужную кандидатуру. И, не говоря ни слова, лишь сделав напарнику знак следовать за ним, поспешил навстречу новому знакомству.

Кандидатур снова оказалось две. Но уже не красotka и дурнушка, как только что, а две красotки, да к тому же близняшки, совершенно неотличимые друг от друга не только лицом, но и одеждой. Беседуя с ними, Влад непрерывно переводил взгляд с одной на другую, пытаясь отыскать хоть какие-то отличия. Но безуспешно: сёстры были похожи как две капли воды, даже родинки чуть повыше губы у них были одинаковой величины и на одном и том же месте.

И вели они себя так же одинаково: сдержанно, с прохладцей, немного официально. Внимательно, будто запоминая, выслушали басню Влада о размолвке его приятеля с подружкой и нежелании обоих сделать первый шаг к примирению и, неизвестно, поверив или нет – по их бесстрастным, непроницаемым лицам трудно было понять это, – заявили, складно дополняя одна одну, что проявить инициативу и, если потребуется, извиниться, безусловно, должен парень. Корона с головы не упадёт, с авторитетным видом подытожила одна из близняшек. После чего, не обращая внимания на попытки Влада развить и углубить тему, возможно разгадав его истинные намерения, – что было, впрочем, не так уж сложно, – они вежливо, но твёрдо прервали разговор и удалились.

Влад с сожалением посмотрел им вслед и, пощёлкивая языком, отметил:

– Красивые... Но холодные. Как статуи. И больно уж правильные какие-то... Но до чего ж похожи друг на дружку! Одно лицо! Когда говорил с ними, казалось, что в глазах двоится.

Денис молча кивнул.

Влад же, чуть закатив глаза, с мечтательным выражением произнёс:

– Поверишь, всегда хотел затащить в постель близняшек... Я видел в каком-то фильме, мне понравилось. Что-то в этом есть...

Денис насмешливо осклабился.

– Ну, это явно уже не сегодня. Потерпи пока.

– Ну да, не сегодня, – согласился Влад, возвращаясь от мечтаний к действительности и вновь зорко оглядываясь вокруг. – Пока что поищем другие варианты.

Варианты не заставили себя долго ждать. Причём в данном случае девушка была не одна и даже не две, а сразу пять! Шумная, весело щебетавшая девичья стайка двигалась прямо навстречу друзьям, и Владу оставалось лишь ждать, когда она приблизится и окажется в его сетях. Отметив, что девочки находятся в приподнятом, игривом, даже несколько развязном настроении и, конечно же, не прочь будут пообщаться, он немедленно настроился на соответствующую волну, напялил на лицо легкомысленное, немного дурашливое выражение и, расплывшись в сияющей улыбке, тронулся к ним.

– Здорово, красotки! Можно поболтать с вами немножко?

Красotки были не против. Настолько не против, что в ходе последовавшего весьма сумбурного, смазанного общения не дали Владу сказать практически ни одной связной фразы. Говорили только они сами. Причём так бурно, эмоционально, экспансивно, а главное громко и вразнобой, почти не слушая друг друга и уж тем более своего случайно подвернувшегося собеседника, что Влад, сделав несколько безуспешных попыток вклиниться в общий разговор и навязать девчонкам свою повестку, очень скоро понял их бесплодность и, махнув рукой на разбушевавшихся малолеток, отстал от них.

Гомонящая, хохочущая, визжащая девчачья группа, даже как будто не заметив этого, двинулась дальше, по-прежнему что-то горячо обсуждая и ярко и непосредственно выражая свои брызжащие через край чувства. Окружающий мир как бы не существовал для них. Все их внимание, весь их интерес сосредоточились в этот момент на каких-то сугубо внутренних вопросах, волновавших их маленький женский кружок. И чужаку явно не было там места.

Влад вернулся к приятелю немного оглушённый и обескураженный.

– Вот же бешеные девки! – ворчливо заметил он, неприязненно поглядывая им вслед и поневоле прислушиваясь к производимому ими гаму, понемногу затихавшему в отдалении. – Совершенно сбили с толку. Слова не дали вставить...

– А уж о том, чтобы просто вставить, и речи быть не могло, – с похабной усмешкой заметил Денис.

Влад, оценив солёную шутку, тоже ухмыльнулся.

– Точно! С такими трещотками каши не сварить. У них ещё ветер в голове... Ладно, поищем что-нибудь поприличнее, – промолвил он, снова весь подобравшись и окинув окрестность пытливым, ищущим взором.

И взор этот попал в самую точку, высмотрев в толпе очень любопытный экземпляр. Пусть замеченная им девушка и не была красавицей в буквальном смысле слова – фигура её была далеко не идеальна, а черты лица не совсем правильны, – но эти недостатки с лихвой искупались необычайной живостью этих самых черт, неугасимым блеском ярких карих глаз, глядевших на всё вокруг как будто с непроходящим радостным удивлением, казалось, не покидавшей её лица, словно любовно прильнувшей к нему улыбкой, от которой на её щеках то и дело возникали очаровательные ямочки. И внешность её, как тут же выяснилось, вполне соответствовала её характеру. Она спокойно, без всякого стеснения, с интересом окинула быстрым плутоватым взглядом подошедших к ней незнакомцев, всем своим видом показывая, что совсем не прочь узнать их поближе.

И Влад, острым, намётанным глазом оценив ситуацию, не преминул воспользоваться этим. Сразу поняв, с кем ему придётся иметь дело, он не счёл нужным сочинять новую легенду и надевать на себя очередную маску, а решил действовать запросто, без изысков.

– Привет, красотка! – сказал он, одарив её широкой открытой улыбкой. – Как жизнь молодая? Скучаем?

Девушка решительно мотнула головой, отчего её короткие, но при этом густые, немного выющиеся каштановые волосы в беспорядке разметались по лбу.

– Неа! Не скучаю. Я никогда не скучаю.

– Ну, я почему-то и не сомневался. Просто так спросил... Сразу видно, что ты весёлая, задорная девчонка. С тобой небось не соскучишься.

– Ага, – подтвердила востроглазая незнакомка, опять потрянув головкой, и вперила во Влада прямой, искрившийся любопытством взгляд. – Никто ещё не жаловался.

Влад шагнул вперёд и сложил руки на груди, в свою очередь не отрывая от девушки бесцеремонного, завлекающего взора.

– Ну что ж, надеюсь, и мы с приятелем не пожалуемся, – низким, с лёгкой хрипотцой голосом проговорил он. – Ты же не против познакомиться с нами поближе?

– Почему бы и нет, – легко согласилась незнакомка.

– А провести с нами время? – тут же сделал следующий шаг Влад.

Она чуть наморщила носик.

– Прямо сейчас, что ли?

– Можно и сейчас, отчего же нет...

Девушка резко мотнула головой.

– Не, шас не могу. Шас у меня тут одно дельце есть, спешное... А вот вечером... вечером я свободна. Так что можем встретиться. Часов в девять, идёт?

– Идёт. Отлично! В девять так в девять, – немедленно согласился Влад, по-видимому несколько не смущаясь тем, что совсем недавно назначил свидание на это же самое время другой девушке, о которой в этот момент он, скорее всего, вряд ли вспомнил.

Зато вспомнил вдруг, что впопыхах даже не узнал имя новой знакомой и не назвал своё.

– Меня зовут Влад, – представился он. – А тебя как звать-величать? Уверен, твоё имя такое же прекрасное, как ты сама.

Красотка охотно согласилась.

– Ага, а как же иначе. Оксана меня зовут!

Цветущие розы на щеках Влада неожиданно увяли и пожухли. Его только что живое, одушевлённое лицо посерело и поблёкло. Блеск в глазах притух.

Внезапная перемена в нём не ускользнула от внимания Дениса. И он сразу же понял её причину. И сам невольно помрачнел, после недолгого перерыва вспомнив о том, что у него самого ничуть не меньшие основания для грусти.

Резкое, не совсем объяснимое изменение настроения своего свалившегося ей как снег на голову поклонника заметила и девушка. Но интерпретировала его по-своему.

– Да не переживай ты! Встретимся мы, встретимся, – попыталась она успокоить его, взяв его за руку и с тонкой, шаловливой улыбкой заглянув ему в глаза. – В девять, как договорились. Давай на площади, возле памятника?.. А сейчас извини, мне бежать пора. Ты классный, Владик! Ты очень понравился мне. Всё, до вечера, пока!

Проговорив всё это на одном дыхании, она чмокнула Влада в щёку, кивнула Денису, не произнёсшему за всё это время ни слова, и умчалась так быстро, что через минуту и след её простыл.

А приятели после её ухода некоторое время молчали, не глядя друг на друга и лениво, без всякого внимания поглядывая по сторонам. Лица у обоих были мрачны и задумчивы, и очевидно было, что думают они об одном и том же. Или, вернее, вновь передумывают то, о чём ненадолго забыли, а вот теперь вспомнили ещё более ярко, отчётливо и болезненно, чем прежде. Они застыли, как два изваяния, прямо посреди плотного людского потока, не оскудевавшего и не прекращавшего своего движения на ни миг. Прохожие обходили их, порой задевали, иногда в их адрес летели сердитые замечания. Но они как будто не ощущали этих внешних воздействий, настолько погрузившись в себя, что окружающее и окружающие на какое-то время словно бы перестали для них существовать.

Первым, против обыкновения, очнулся Денис. Почувствовав, что гнетущие, упадочные мысли в очередной раз подчиняют его своей власти и грозят всерьёз и надолго вогнать в глухую депрессию, он с усилием отстранился от них и попытался вернуться к реальности. Взглянув на товарища, по-прежнему окутанного дымкой таких же безотрадных размышлений, он натянуто усмехнулся и спросил:

– Что ж ты скис-то так резко? Неужто из-за того, что эта тоже Оксаной оказалась?

Влад, поняв, что отрицать это было бы глупо с его стороны, кивнул.

– Ну да, пожалуй... Едва услышал её имя, как она сразу же возникла перед глазами... Не ожидал, признаюсь.

Денис ничего не сказал. Лишь понимающе качнул головой. Не став, в отличие от приятеля, произносить фальшиво-бодрых успокоительных речей о том, что незаменимых нет и свет клином не сошёлся. Сомнительность этих пошловатых утверждений, обильно излетавших не так давно из уст Влада, он сам подтвердил только что на собственном примере, при одном лишь воспоминании об утраченной, погибшей, а вернее погубленной им самим любви внутренне надломившись и замкнувшись в себе.

Впрочем, он, хотя бы внешне, ещё бодрился, хорохорился, не хотел признавать и показывать, что он сломлен, побеждён, разбит в пух и прах. Немного придя в себя, он, несмотря на отговоры Дениса, которого начала утомлять эта глуповатая игра в оболыщение, вновь очертя голову ринулся на приступ девичьих сердец, высмотрев вскоре очередную дичь и попытавшись расставить ей силки.

Однако на этот раз что-то пошло не так. Девушка, красивая, привлекательная, обаятельная с виду, оказалась холодной, необщительной, даже грубоватой. Она, не только не дав Владу

возможности показать себя во всей красе, но по сути не позволив ему и рта раскрыть как следует, так резко осадил его, что он в первый момент немного потерялся и не знал, как вести себя дальше. Но, быстро сориентировавшись и поняв, что к этой красотке, очевидно обладавшей непростым характером или же просто пребывавшей по какой-то причине в скверном расположении духа, нужен особый подход, он мгновенно поменял тактику и постарался подобраться к ней с другого боку, найти другие слова, нащупать иные струны в её душе.

Но и это не помогло. Девушка была настроена откровенно враждебно и явно не желала идти на контакт. Похоже, ещё мгновение, и, если бы Влад не прекратил свои домогательства, она попросту послала бы его подальше. Но он, и вправду имевший в этом хлопотном ремесле немалый и многообразный опыт и не раз оказывавшийся в подобных ситуациях, вовремя уразумел это и не довёл дело до критической точки, оставив капризную красотку в покое и пожелав ей напоследок всего наилучшего.

Не солоно хлебавши вернувшись к приятелю, наблюдавшему эту любопытную сцену со стороны и едва удерживавшемуся от смеха при виде провальных посягательств своего чересчур самонадеянного, разбалованного предыдущими успехами и свято уверовавшего в свою неотразимость товарища, Влад, отдуваясь и качая головой, сконфуженно промямлил:

– Ну и ну! Что за вредная тёлка попалась! Давно таких не встречал. Прямо дикая кошка какая-то. Не представляю, как кто-нибудь сможет приручить такую.

– Может и найдётся такой, – с едкой усмешкой, будто радуясь неудаче напарника, проговорил Денис. – Но это уж точно будешь не ты!

– Да и не надо! – замахал руками Влад, будто открещиваясь от какой-то напасти. – Боже сохрани связаться с такой! Всю жизнь потом жалеть будешь, что встретил такое вот чудо.

– Но лихо она отбрила тебя, надо признать, – не без ехидства отметил Денис, посыпая соль на рану друга. – Я уж думал, она либо пошлёт тебя, либо – и такое, согласись, случается – по роже съездит.

– Пусть бы попробовала только, – проворчал Влад, угрюмо взглядывая в ту сторону, где пропала в уличной толкотне взбалмошная девица, нанёсшая ощутимый удар его весьма чувствительному в этом вопросе самолюбию. – Моя рожа не казённая, чтоб первая попавшаяся стерва утюжила её.

Денис хотел было съязвить ещё что-нибудь по этому поводу, но, взглянув на хмурую, расстроенную физиономию приятеля, одёрнул себя и вместо этого предложил:

– Ну, может хватит уже на сегодня этих экспериментов? Двух тёлочек ты снял, вполне приличных причём. Чё тебе ещё надо?

Влад скосил на него глаза.

– Ну, себе снял. Теперь тебе надо.

Денис протестующе вскинул руку.

– Э, нет, спасибо! Я очень благодарен, конечно, тебе за заботу. Но не надо. Я уж как-нибудь сам.

Влад снисходительно и, как могло показаться, немного пренебрежительно ухмыльнулся.

– Сам! Знаю я, как ты сделаешь это сам. Сидеть будешь сложа руки, ныть, скулить и вспоминать свою Светочку. И ждать, когда она вернётся к тебе... Только зря ждать будешь. Не вернётся, даже не надейся...

– Заткнись! – услышал он вдруг напряжённый, придушенный возглас Дениса.

Влад, мгновенно опомнившись, взглянул на друга и увидел его метавшие молнии, горевшие нешуточной злобой глаза, дрожавшие пунцовые губы и судорожно стиснутые кулаки, которые, прозвучи ещё хоть одна неосторожная реплика со стороны не в меру разговорившегося товарища, возможно, были бы пущены в ход.

Влад, сообразив, что увлёкся и сболтнул лишнее, немного смутился и пробормотал:

– Ну лан, Денис, извини... Я ж не со зла... Меня эта курица с панталыку сбила. Вот я и разошёлся... Без обид, хорошо?

Денис, хотя вспыхнувшее в нём бешенство улеглось далеко не сразу и ещё некоторое время продолжало бурлить в нём, пересилил себя и чуть кивнул.

– Ладно, проехали.

Установилось не совсем ловкое молчание. Которое Влад прервал чуть погодя привычным способом – устремившись наперерез ещё одной красотке, выхваченной из людской реки его зорким профессиональным взглядом.

Однако удача, похоже, окончательно отвернулась от него. То ли жар его поугас и он действовал уже не так решительно и напористо, как прежде, то ли девушки, как нарочно, попадались хотя и симпатичные, но сплошь неконтактные, колючие, заносчивые, упорно не желавшие замечать его, несомненных для него самого, достоинств и отвечать на его ухаживания. Вернее, они отвечали, но это были совсем не те ответы, на которые он рассчитывал, вдохновлённый и окрылённый прежними успехами. Реакции незнакомок были одна хуже другой. В лучшем случае они просто проходили мимо, никак не реагируя на его заигрывания либо отделиваясь дежурными фразами типа «мне некогда» или «в другой раз». В худшем же, если он не успокаивался и проявлял излишнюю настойчивость, граничившую – в чём он сам, в своём ослеплении, не всегда отдавал себе отчёт – с наглостью, из прекрасных уст начинали нестись резкости и грубости, а иной раз и откровенные оскорбления.

Едва не дошло и до открытого столкновения, когда он пристал, как банный лист, к одной на редкость красивой и эффектной блондинке с огромными лазурно-голубыми глазищами, выпиравшей, казалось, готовой выпрыгнуть из бюстгальтера сочной грудью и неправдоподобно длинными ногами, которые позволяла изучить во всех подробностях обтягивающая мини-юбочка, бывшая настолько мини, что её было почти незаметно. Пристал, даже не дав себе труд предположить, что вряд ли обладательница такой внешности может быть одинока. И был неприятно поражён, когда в самый неподходящий момент рядом возник широкоплечий бородастый верзила с мощной квадратной челюстью, внушительными кулаками и очень нехорошим блеском в маленьких мышинных глазках (наверно, единственное маленькое, что у него было), вспыхнувшим в них, как только он увидел какого-то смазливового юнца, с заговорщическим видом нашёптывавшего всякие пошлости его подружке.

– В чём дело? – прохрипел амбал, уткнув во Влада острый, сверлящий взгляд и грозно пошевеливая мохнатыми чёрными бровями.

Опешивший Влад окинул молниеносным взором могучие стати бородача и, мгновенно оценив положение, скромно потупился и пробубнел себе под нос:

– Ничего... Я так...

Громила перевёл взгляд на свою спутницу, на кукольном большеглазом личике которой застыла пустая, будто приклеенная улыбка. Глаза его налились кровью, лоб пересекла глубокая морщина. Но он сдержался и, метнув на незадачливого Дон Жуана, изрядно струхнувшего и сжавшегося в комок, презрительный взор, бросил сквозь зубы:

– Пшёл отсюда, щенок!

Влад не заставил бородастого богатыря повторять дважды. Он исчез так быстро, будто её унёс порыв ветра.

Этот досадный инцидент, лишь по счастливой случайности завершившийся благополучно, окончательно остудил пыл Влада и возвратил его с небес, на которые он вознёсся после первых удачных попыток соблазнения, на грешную землю. С довольно жалким, пристыженным видом, как нашкодивший и пойманный с поличным кот, потрусил он к товарищу, стоявшему чуть поодаль и с некоторым беспокойством, смешанным с невольным злорадством, следившему за щекотливой ситуацией, в которой очутился его любвеобильный и самоуверенный друг.

– Всё, шабаш! На сегодня достаточно, – с натугой, точно после тяжелой физической работы, произнёс он, проводя ладонью по чуть вспотевшему лицу и стараясь не глядеть на приятеля, по лицу которого бродила издевательская усмешка.

– Да, тут ты прав, – даже не пытаясь прятать её, согласился Денис. – Здесь тебе ловить больше нечего. Да и ты, похоже, переутомился уже.

– Угу, – устало отдуваясь, кивнул Влад, украдкой поглядывая туда, откуда он только что пришёл. – И впрямь притомился. Слишком крутой темп взял. Не рассчитал сил.

Денис также взглянул на крепкого бородача и его модельного вида подружку, что-то оживлённо обсуждавших и активно жестикулировавших, и скривил губы.

– Ну, в последнем случае уж точно.

Влад ещё раз метнул насторожённый взгляд на бурно выяснявшую отношения парочку и, явно чувствуя себя не слишком уютно в виду её, предложил спутнику:

– Может, пойдём отсюда? Надоело здесь торчать.

Денис шевельнул плечом.

– Я только за. Мне давно уже осточертело слоняться тут без толку и наблюдать твои художества.

Влад сделал большие глаза.

– Что ж ты раньше не сказал? Я же, собственно, для тебя старался. Хотел и тебе тёлочку подогнать.

Денис поморщился и открыл было рот, чтобы сказать неугомонному товарищу пару ласковых. Но лишь качнул головой и махнул рукой.

Влад сам, впрочем, понял, похоже, что немного зарапортовался, и, решив от слов перейти к делу, двинулся в сторону проезжей части.

– Ладно, пойдём покатаемся чуток. Проветрим мозги.

– А ты что, на колёсах? – немного оживившись, спросил Денис.

– Да, позаимствовал у бати... Без его ведома, правда. Но, я думаю, он не будет возражать... Потому что ничего не узнает, – прибавил он с беспешашной улыбкой.

III

Вдоль обочины стояло в ряд несколько автомобилей. Влад подошёл к самому крупному и заметному из них – массивному бежевому внедорожнику «тойота ленд крузер», блиставшему своими мощными статями и плавными, обтекаемыми формами. Рядом с ним соседние машины выглядели более чем скромно, напоминая бедных родственников рядом с состоятельным, сановитым родичем, свысока поглядывающим на них и не желающим иметь с ними ничего общего.

– Ну, как тебе лошадка? – спросил Влад, стараясь говорить как можно непринуждённое. – Годится?

Денис, и вправду впечатлённый, даже не стал особенно скрывать этого.

– Да уж, прям орловский рысак! – сказал он, восхищённо – и явно не без зависти – оглядывая сверкавшее на солнце авто. – Когда это твой батя приобрёл такую красотку?

– Да недавно совсем, – ответил Влад, достав из кармана ключи и открывая переднюю дверцу. – Месяца ещё не прошло. Надоела эта старая кляча, на которой он пять лет ездил. Вот и решил сменить антураж.

Денис, отлично знавший эту «старую клячу» – великолепный пунцовый кроссовер «мерседес», скорчил выразительную гримасу и проворчал вполголоса:

– Н-да, красиво жить не запретишь.

– А то! – ослепительно улыбаясь, буквально сияя довольством и благополучием, произнёс Влад и небрежно махнул приятелю рукой. – Залазь давай. Прошвырнёмся по окрестностям.

Денис, не заставив себя долго упрашивать, уселся рядом с водителем и, утонув в тугом кожаном сиденье, чуть поскрипывавшем при каждом движении сидока, отдался приятным, томным ощущениям, заглушившим ненадолго с недавних его горькие, меланхоличные раздумья.

Влад, мурлыкая себе под нос какую-то незамысловатую мелодию, расположился на водительском месте. Некоторое время беспокойно ёрзал, будто устраиваясь поудобнее, вертел головой кругом, без видимой надобности трогал и перебирал вещи, находившиеся в салоне. Потом пробормотал:

– Чёт жарковато, – и включил кондиционер.

Просторный вместительный салон, действительно сильно прогретый за время стояния на солнцепёке, стал наполняться лёгкой освежающей прохладой. Которая подействовала на Дениса, утомлённого и разморенного от продолжительного и бессмысленного топтания по тротуару, среди толкотни и суеты, расслабляюще и почти убаюкивающе. Он ещё глубже погрузился в сидение, откинул голову и прикрыл глаза, перед которыми тут же поплыли смутные, немного причудливые и бессвязные картины. И никак не отреагировал, лишь чуть поморщился и шевельнул полужакрытыми веками, когда Влад заметил ему:

– Ты пристегнулся бы.

Поняв, в каком напарник состоянии, Влад не стал настаивать и, снисходительно усмехнувшись, тронул машину с места, вырулил на проезжую часть и, подождав немного, встроился в плотный автомобильный поток.

Несколько кварталов они проехали в молчании. Денис находился в сладостной полудрёме, на время отключившись от окружающего, от всех тяжёлых, нерешённых – и, возможно, нерешаемых – вопросов и с удовольствием отдавшись покою. Может быть, и даже скорее всего, хрупкому, эфемерному и быстротечному, но так необходимому ему после пережитого им на днях потрясения, последствия и отзвуки которого не только никуда не уходили, но делались, казалось, всё более явственными, отчётливыми и порой невыносимыми.

Влад же, по крайней мере с виду, был весел и беззаботен и, как могло показаться, напрочь позабыл обо всех проблемах, словно в какой-то момент они попросту перестали существовать

для него. Он то напевал, то насвистывал, беспрестанно крутил головой по сторонам, оценивая и, как правило, критически поглядывал на проезжавшие мимо машины, видимо невольно сравнивая их с той, за рулём которой он сидел, и, несомненно, отдавая предпочтение ей. А она и вправду заслуживала самой высокой оценки, была прекрасна и снаружи и внутри и могла быть предметом особой гордости своего хозяина. И Влад хотя, собственно говоря, и не был хозяином, но уж гордость-то испытывал в полной мере, она буквально распирала его, он весь сиял, как начищенный до блеска самовар, и смотрел на всё вокруг немного свысока, с трудно скрываемой, а то и вовсе нескрываемой спесью, как на что-то мелкое, ничтожное, не заслуживающее его внимания.

Миновав людный и шумный центр города, спутники на своём блистательном, притягивавшем (как, во всяком случае, казалось Владу) завистливые взгляды авто приблизились к городским окраинам и, свернув на куда менее оживлённую, порой почти пустынную улицу, поехали по её неширокой, убегавшей вдаль глади. Здесь Владу уже не на что и не на кого было бросать высокомерные взоры – автомобили и люди попадались тут лишь изредка, – и он вынужден был смотреть на дорогу, иногда скользя рассеянным взглядом по высившимся в отдалении длинным старым девятиэтажкам, у подножия которых зеленели густые палисадники. Это несколько однообразное зрелище явно не вдохновляло его, и он вскоре заметно поскущел, с его лица постепенно пропала гордая торжествующая улыбка, в глазах промелькнула тень.

А тут ещё Денис, внезапно очнувшись от своего полусна, будто пробуждённый неожиданной посетившей его мыслью, поглядел на друга насмешливо и лукаво и, чуть помедлив, с ехидцей осведомился:

– А как же ты пойдёшь вечером на свиданку сразу с двумя тёлками?

Влад ответил ему пасмурным, не совсем довольным взглядом, как если бы товарищ напомнил ему о чём-то не слишком приятном.

– Причём встреча у вас назначена в одно и то же время в одном и том же месте, – продолжал рассуждать Денис, не сводя с приятеля острого смеющегося взгляда. – В девять, на площади возле памятника. Вот будет потеха, когда они припрутся туда обе. И Оксана, и эта... как её?.. Ангелина. Хотел бы я посмотреть на это!

– Не посмотришь, – откликнулся Влад, раздражённо дёрнув плечом.

– Почему? – с невинным видом поинтересовался Денис.

– Потому что я не пойду ни на какое свидание, – сказал Влад, двинув головой в сторону напарника.

Денис распахнул глаза в притворном изумлении.

– Вот те на! Как же так? Назначил девчонкам свидания и сам же не пойдёшь на них.

Влад ухмыльнулся.

– Я только одной назначил. Другая назначила сама.

– Ну, это отговорка, – отмахнулся Денис. – Причём неубедительная. Ты привязался к ним посреди улицы, наплёл чепухи всякой, напустил пыли в глаза, обольстил, договорился встретиться с ними. А теперь, получается, в кусты. Некрасиво! Не по-мужски как-то.

– Ой-ой-ой! – воскликнул Влад, видимо задетый за живое. – Тоже мне, мужик нашёлся! Мужик, только что плакавшийся мне в жилетку из-за шалавы, бросившей его. И наверняка сошёл бы с ума от счастья, если бы она вернулась к тебе. Всё простил бы ей и слова не сказал бы. А может и сам прощения ещё попросил бы у неё неизвестно за что...

По мере того как Влад говорил, лицо Дениса, по которому только что бродила тонкая ядовитая усмешечка, мрачнело и делалось всё напряжённее. Затем черты его чуть исказились, а побелевшие губы дрогнули, будто он хотел сказать приятелю что-то резкое и хлёсткое. Однако вместо этого он лишь вымолвил приглушённым, дрогнувшим голосом:

– Останови-ка.

– Чего? – удивлённо взглянул на него Влад.

– Останови, говорю, – по-прежнему глухо и холодно сказал Денис, не глядя на товарища. – Я выйду.

Влад, уяснив, что приятель снова обиделся на его чересчур откровенные, нелицеприятные заявления, и тут же пожалев о своей несдержанности, дал задний ход и примирительно проговорил:

– Да ладно тебе, кореш, не злись. Я опять сболтнул лишнее, извини.

– Нет, ты останови и высади меня, – произнёс Денис с хмурым и упрямым видом. – А потом можешь болтать тут всё, что тебе угодно.

– Ну, всё, всё, всё, – терпеливо, будто успокаивая ребёнка, повторял Влад. – Я ж сказал: извиняюсь! Бес попутал. Больше не буду. Даже не вспомню об этой твоей... – спохватившись, он вовремя умолк.

Но разобиженный, очевидно уязвлённый в самое сердце Денис, хотя и не требовал больше остановить машину и посадить его, продолжал сердито бормотать что-то нечленораздельное, надувшись и кидая порой на соседа неприязненные, горевшие сумрачным огнём взгляды.

Влад тоже примолк, не желая раздражать обидчивого спутника и дав себе слово не затрагивать больше в разговоре с ним тему его разрыва с девушкой, про которую Влад знал слишком много такого, чего, наверное, не стоило знать Денису.

Густонаселённые районы с оживлёнными улицами и высотными домами тем временем остались позади, и приятели углубились в городские задворки, застроенные в основном приземистыми одноэтажными домишками, утопавшими в буйной яркой зелени и цветах и огороженными где-то прямыми и крепкими, где-то ветхими и покосившимися заборами. Лишь изредка в их гуще, резко и броско выделяясь на общем фоне и господствуя над однотипной округой, попадались фешенебельные двух- и трёхэтажные особняки со всевозможными архитектурными затеями и вывертами, видимо отвечавшими тонкому вкусу их владельцев. Влад, и сам обитавший в похожем сооружении, только в другой части города, бросил на них чуть более внимательный и благосклонный, чем обычно, взгляд и, вероятно удовлетворённый увиденным, одобрительно тряхнул головой.

Но вскоре и частный сектор стал понемногу редеть, а земля пошла под уклон, перейдя постепенно в обширные пустые пространства, покрытые гладким зелёным ковром и испещрённые обильными россыпями полевых цветов. А ещё чуть погода вдаль мелькнула ровная серебристо-стальная поверхность реки, неспешно тёкшей между широкими пологими берегами, то густо заросшими высокой травой и кустами, подступавшими к самой воде и склонявшимися к ней, то переходившими в просторные пляжи, вырисовывавшиеся крупными серовато-жёлтыми пятнами и усеянные многочисленными отдыхающими и загорающими, которых с течением времени становилось всё больше.

Дорога же, в отличие от всё более уходившей вниз и вскоре почти пропавшей из поля зрения земли, напротив, устремила вверх, приближаясь к огромному мосту, массивная тяжеловесная конструкция которого нависла над рекой, мощной железобетонной дугой вознёсшись над водой и прочно соединяя один берег с другим.

– Неплохо было бы окунуться, кстати, – нарушил молчание Влад, окидывая взором реку, медленно струившую внизу свои тихие мутноватые воды. – А то что-то жарковато стало к обеду.

Денис, выведенный этими словами из угрюмой задумчивости, в которой он пребывал после стычки с напарником, также уронил взгляд вниз и, видимо соблазнённый представившейся ему привлекательной картиной, вынужден был согласиться.

– Ну да, – пробормотал он, кивая. – Я б не отказался.

– Ну вот и отлично! – качнул головой Влад и, словно только что вспомнив о том, что ему чего-то не хватает, включил музыку. – Тогда щас проедем мост и спустимся к берегу. Я знаю там одну удобную дорожку, по которой можно съехать к речке.

Денис ещё раз кивнул и обратил взгляд вдаль, на теснившиеся на краю неба, у линии горизонта, кудрявые бурые облачка. Их было совсем немного, и они вроде бы не увеличивались в размерах и никуда не двигались, словно не отваживаясь нарушить безупречную чистоту ясного лазурного небосвода, пронизанного светозарным солнечным сиянием. Однако и не исчезали, прочно закрепившись на своём месте, будто приросшие к нему, и мало-помалу, почти неувовимо для глаза, темнея, плотнея, точно наливаясь свинцом, или, что было ближе к истине, набухая серой дождевой водой.

– Похоже, будет гроза, – заметил Денис, вдоволь насмотревшись на предвещавшие непогоду далёкие хмурые тучки и переведя взгляд на по-прежнему шедшую немного ввысь дорогу.

Влад скосил глаза на край горизонта.

– Ну да, вероятно. Но, думаю, ещё нескоро. Так что времени у нас достаточно. Успеем и искупаться, и... – он сделал неопределённое движение, по-видимому сам ещё не решив, чем намерен заняться после купания.

Тем более не знал этого Денис, у которого не было в этот момент ни желаний, ни стремлений, ни планов, который, по выражению Влада, просто плыл по течению, не барахтаясь и не сопротивляясь. И понятия не имея, куда оно вынесет его. Ему то и дело приходили в голову мысли о бросившей его девушке. Он гнал их прочь, отмахивался от них, но они являлись снова и снова, осаждали его со всех сторон, и он начинал чувствовать себя в их окружении как в западне, из которой не мог, не имел сил вырваться.

Но особенно изводили и терзали его даже не они, а не раз озвученные Владом глухие – а порой и не очень глухие, а вполне конкретные – намёки, ясно указывавшие на то, что Денис смутно подозревал, о чём он догадывался, но не решался признать в этом самом себе. Потому что эта правда пугала его. И он не хотел её знать, отстранялся, прятался от неё, сам осознавая свою трусость, слабость, душевную дряблость, стыдясь этого, но ничего не в состоянии с собой поделать. Это было сильнее его, он не мог этому противиться. И в конце концов был побеждён, раздавлен своим чувством, оскорблённым, оплётанным, растоптанным той, на которую оно было направлено, которая с некоторых пор стала для него всем, практически целью и смыслом жизни. И вот этой цели и смысла больше не было, они пропали в один момент, растаяли как дым. И он остался один, в абсолютной пустоте, в вакууме, который ему нечем и некем было заполнить, кроме ярких, пленительных, завораживающих, но оттого ещё более мучительных для него сейчас воспоминаний о том, что миновало, ушло из его жизни и не возвратится уже никогда...

– Не, ну я молодец, конечно. Красавчик! – донёсся до него, будто издалека, голос Влада. – Точно ведь: должен встретиться сразу с двумя одновременно! Я как-то и не подумал об этом сразу. Такого даже у меня не бывало... Как же быть? Чё б придумать?

Денис критически поглядел на спутника.

– Ты ж вроде не хотел идти.

– Ну вот ещё! Не зря ж я старался, жопу рвал. Это мне награда за мои праведные труды. Глупо отказываться от неё... К тому же, – прибавил Влад, сладострастно ухмыляясь, – девчонки миленькие, ладненькие. Даже очень. Каждая по-своему. Ими стоит серьёзно заняться.

Денис хмыкнул.

– Ты б лучше подумал, как тебе сегодня вечером быть, когда они обе заявятся на свидание. А отменить ничего нельзя, ты ж даже номер телефона не удосужился взять хоть у одной.

Влад насупился с озабоченным видом.

– Да, ты прав. Тут я, безусловно, тупанул. В горячке упустил этот важный момент. С телефоном было бы проще. Позвонил бы, например, Оксанке, сказал бы, что у меня скоропо-

стижно умерла двоюродная бабушка, я страшно расстроен и мне теперь не до свиданий. И с лёгким сердцем отправился бы окучивать Ангелинку... Она мне, в принципе, понравилась. Такая прям скромная, невинная, пугливая. Как лань... Давненько не встречал такого. Странно даже, что такие ещё сохранились. Я уж думал, перевелись, вымерли, как мамонты.

– Ну да, попадаются изредка, – заметил Денис, снова мельком взглядывая на бронзовевшие на окраине неба мрачноватые облачка, резко диссонировавшие на фоне кристально чистого прозрачно-голубого небосклона. – Хотя всё реже и реже. Уходящий тип.

– Ну, вот и хотелось бы поработать с этим типом, пока он окончательно не ушёл, – подхватил мысль приятеля Влад. – А то привыкли иметь дело с прошмандовками всякими, так кажется порой, что других уже и нет. Ан нет, есть! Уцелели каким-то чудом у нас на периферии.

Денис при упоминании о «прошмандовках» вновь погрузился было, но, тут же попытавшись перебороть себя, с натугой скривился и проговорил:

– Ну, а как же всё-таки насчёт вечера? Как будешь действовать?

Влад снова озабоченно наморщил лоб.

– Как буду действовать? – повторил он, напряжённо глядя вперёд, на убегающую в бескрайнюю даль ленту дороги. – Сложный вопрос. И, как назло, никаких толковых мыслей в голову не приходит. Говорю ж, впервые у меня так, не сталкивался раньше с такой проблемой. Если и назначал свидания сразу двум, а то и трём тёлкам, то, естественно, в разное время и в разных местах. А тут прям как в плохой комедии!

– В комедии? – уже более искренне усмехнулся Денис. – Боюсь, тебе будет не до смеха, когда они встретятся лицом к лицу и зададут тебе парочку неудобных вопросов. И это ещё не самое неприятное из того, что может случиться.

Влад, видимо быстро представив себе эту сцену, нахмурился и неохотно промямлил:

– Да знаю я, знаю... Только придумать пока ничего не могу... У тебя, кстати, никаких идей нет?

Денис мотнул головой.

– Да какие у меня могут быть идеи? Если даже ты, профи, ас из асов, подрастерялся, то где уж мне измыслить что-то. Я в такой ситуации уж точно не оказывался. Да, собственно, и пикап не практикую. Таланта Бог не дал на это дело.

– Тут не от таланта, тут от желания всё зависит, – задумчиво, будто разговаривая сам с собой, промолвил Влад. – Ну или почти всё... А я... я что-нибудь придумаю, обязательно придумаю. До вечера время ещё есть.

Денис скользнул краем глаза по лицу напарника.

– Значит, пойдёшь всё-таки?

– Разумеется, – по-прежнему в раздумье, словно занятый решением сложнейшей задачи, проговорил Влад. – Я должен это сделать. Просто обязан. Как честный человек. Иначе мне будет стыдно перед самим собой. Да и они могут подумать обо мне чёрт знает что. А мне не хотелось бы. Репутация – важнейшая вещь. Особенно в этом деле.

– А, ну это да, конечно, – с притворной серьёзностью согласился Денис.

Влад же, неожиданно захваченный своей мыслью, продолжал рассуждать:

– Репутация нарабатывается годами. И немалыми усилиями. И даже жертвами порой... А вот разрушить её можно запросто. Легче лёгкого. Один необдуманный, ложный шаг – и всё, нет её. А восстановить разрушенное уже очень трудно. Часто почти невозможно...

Денису, с сардонической улыбкой слушавшему товарища, показалось вдруг, что тот говорит уже не о том, что было заявлено вначале, а о чём-то другом, менее отвлечённом и абстрактном, более сокровенном и личном, о том, что по-настоящему волновало его и, несмотря на попытки скрыть это, то и дело невольно прорывалось наружу. И Денис, естественно, понял, о чём идёт речь. И усмешка исчезла с его лица. И он вновь задумался о своём. О том, что не давало ему покоя и угнетало и казнило его в ещё большей степени, чем его приятеля.

Приятель между тем, вероятно заметив, что помимо воли начал проговаривать свои потаённые мысли вслух, резко осёкся и, по обыкновению натянув на лицо беззаботную шалую улыбку, поинтересовался у соседа:

– Ну, а ты как, не желаешь со мной?

– В смысле? Что «с тобой»?

– Ну, сходить на свиданку вечером. Вдвоём-то веселее. И всё лучше, чем дома сидеть.

Денис опять заухмылялся и решительно замотал головой.

– Ну уж нет! Благодарю покорно. Мне такое веселье даром не надо. Я уж лучше дома посижу.

Влад покосился на него и двинул плечом.

– Ну и сиди. Посмотрим, что ты высидишь.

Денис ответил ему таким же косым взглядом и, ничего не сказав, отвернулся и уставился в боковое стекло, вновь устремив взор на застывшее вдали плотное скопление облачков, предвещавших, может быть, неблизкую, но неминуемую грозу.

Следующий участок пути друзья провели в угрюмом молчании, опять уйдя в свои мысли и глядя в противоположные стороны.

Автомобиль между тем, миновав мост и проехав ещё немного, достиг довольно обширного предместья, застроенного добротными частными домами с черепичными крышами и спутниковыми антеннами, окружёнными пышными садами и обнесёнными высокими крепкими изгородями. Практически возле каждого дома виднелись различные подсобные строения, гаражи, дорогие иномарки. Всё здесь буквально дышало благополучием, сытостью, довольством. И как-то странно выглядели на этом фоне бродившие вроде бы без дела небрежно и неопрятно одетые люди – мужчины в помятых, изношенных костюмах и запylённых сапогах, женщины в цветастых платках и длинных широких юбках, полы которых часто волочились по земле. И те и другие сплошь и рядом – с сигаретами в зубах, серьгами в ушах, крупными перстнями на тёмных нечистых пальцах. Ещё более живописно выглядели шнырявшие тут же небольшими ватагами дети – смуглые, темноголовые, чумазые, одетые в какие-то обноски, а то и вовсе полуголые. Эти маленькие чертята носились туда-сюда как заведённые, гонялись друг за другом, толкались, дрались, падали, путались под ногами у взрослых, не обращая ни малейшего внимания на их сердитые окрики и оглашая окрестности невообразимым гамом, заглушавшим порой даже музыку в машине приятелей.

Те, невольно привлечённые этой немного экзотической картиной, не без интереса смотрели на не совсем обычных обитателей заречного посёлка, оглядывая их причудливый внешний вид и прислушиваясь к изредка долетавшим до проезжей части обрывкам их непонятного гортанного говора.

– Удивительный всё-таки народ, – поделился впечатлением от увиденного Влад. – Вроде бы ничё не делают, ходят днями руки в брюки, а живут дай бог каждому. Аж зависть берёт.

– Ну, я б не был так категоричен, – не согласился Денис. – Торговля дурью – занятие довольно хлопотное. Тут сноровка нужна дай боже. Далеко не каждому по силам.

– Ну, допустим, – промолвил Влад, глядя то на дорогу, то на проплывавшие мимо фигуры вальяжно прохаживавшихся, никуда не торопившихся, очевидно совершенно довольных собой и своей жизнью людей. – Чё ж они тогда так убого выглядят? Наркота – дело вроде как прибыльное.

Денис, мгновение подумав, глубокомысленно изрёк:

– Конспирация... Ну и национальную традицию тоже учесть нужно... И потом, судить, по-моему, надо не по внешности, а по их домишкам, тачкам, гаражам. Они вкладываются не в барахло, а в кое-что более весомое. И правильно делают, на мой взгляд.

Влад, внимательно выслушав товарища, ещё раз окинул взглядом мелькавшие слева от дороги комфортабельные особняки и согласно кивнул.

– Ну да, пожалуй, ты прав.

А немного погодя, видимо переключившись мыслями на другой предмет, проговорил, чуть поморщась:

– Чёт жрать охота. Время-то обеденное.

Денис равнодушно обронил:

– Ну да.

– А чё ты так вяло? – полюбопытствовал Влад. – Не проголодался разве?

– Да так... – чуть замывшись, ответил Денис.

Влад понимающе усмехнулся.

– А, ну да, конечно. Первый признак несчастной любви – отсутствие аппетита.

Денис метнул на приятеля колкий взгляд.

– Ну ладно, ладно, – пряча улыбку, произнёс Влад. – Это я так, к слову... Ну, ты там как хочешь, а мне надо перекусить. Тёлки – это, конечно, хорошо, но я из-за них морить себя голодом не собираюсь. Так что, с твоего позволения, я тормозну и куплю себе чего-нибудь.

Влад, очевидно, знал, о чём говорил, так как минуту спустя свернул к обочине и остановился возле чебуречной.

– Не скучай тут, я скоро, – подмигнув другу, сказал он и, уже выходя из машины, спросил: – Может, и тебе купить всё-таки?

Но Денис отказался:

– Не, спасибо.

– Ну как хочешь.

Денис проводил напарника рассеянным взглядом и, оставшись в одиночестве, поневоле задумался о том о сём. Вернее, попытался думать о посторонних предметах, но, как и все последние дни, у него это плохо получалось. Мысль упрямо возвращалась к одному и тому же, обдуманному и передуманному множество раз, уже набившему оскомину, но упорно продолжавшему преследовать и угнетать его, лишая душевного равновесия, выбивая из колеи и погружая порой в бездну такой глухой, беспросветной тоски, что он опасался иной раз за свой рассудок. Он старался отвлекаться, направлять мысли в другую сторону, размышлять о чём угодно, только не о ней... Но, похоже, это было невозможно. О чём бы он ни пытался думать, куда бы ни смотрел, что бы ни слушал, – перед глазами была только она, она одна. Она вытесняла, подавляла всё и всех, рядом с ней всё остальное бледнело, тускнело, рассеивалось, как от дуновения ветра. Оставалась только она, безраздельно владевшая его чувствами, царившая над ними, устремлявшая их в одном-единственном, удобном ей, направлении. И ему в такие мгновения совершенно неважно было то, на что более чем прозрачно намекал, а затем прямым текстом, без обиняков указал Влад, что он краем уха слышал и из других уст, что и сам он предполагал, не решаясь, однако, признаться себе в этом, боясь посмотреть правде в глаза и без особых оснований надеясь, что всё как-нибудь обойдётся, утрясётся, придёт в норму, станет так, как должно быть, так, как виделось ему через розовые очки, которые он уже довольно долго носил.

Но ничего не обошлось, не утряслось, не пришло в норму. И розовые очки упали с него неожиданно и резко, и правда открылась во всей своей неприглядной, бьющей по глазам наготы, которой он так страшился, которую изо всех сил старался избегать, чтобы в конце концов быть настигнутым и оглушённым ею. И вот ему кажется, что он, разбитый вдребезги, обездвиженный, полубесчувственный, будто парализованный, лежит на самом дне глубочайшей пропасти, в вечном холоде и мраке. Откуда ему уже не выбраться, где он обречён остаться навечно, наедине со своими раздумьями и воспоминаниями, окружавшими его плотной сомкнутой цепью, разорвать которую он не в силах...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.